

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ «СМЕРТЬ АВТОРА»

Наталья И. Береснева

Елена А. Кокарева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Keywords: mind, reality, language, text, author, interpreter.

Summary: The authors describe the evolution of ideas about the «death of the author», starting from the theory of V. von Humboldt. Initially the main opposition in the philosophy was the opposition of the mind and matter (the subject and the object). After Humboldt in the classical dichotomy «thinking – reality» was introduced the third component is the language. Today, the main opposition is the opposition of the author and interpreter of (thinking) to the text (language) or even the «shell-text». The main object of philosophical studies – text, not the world.

В настоящее время в философской и художественной литературе вновь стала популярной тема иллюзорности внешнего мира и замкнутости субъекта в собственном сознании. Новый субъективизм имеет ряд отличительных черт, прежде всего то, что человеческое сознание замкнуто не в сфере ощущений, а в сфере языка (текста). На первый план в качестве демиурга внутреннего мира человека выходят знаковые системы, язык.

Отправной точкой этого направления послужила теория В. фон Гумбольдта, который, оспаривая положение Г. В. Ф. Гегеля о том, что философия может быть построена как окончательно обоснованная наука о Духе как сущности мира, считал, что между субъектом и объектом, между человеком, миром и Богом есть изначальный посредник – язык. Поэтому процесс самообоснования, самопознания духа изначально развёртывается в сфере языка. Исконное пространство «философствования» – языковые конструкции, которые связывают человека с его жизнью. Мышление не может охватить «безъязыковую», чисто физическую реальность, по сути, по тем же соображениям, по которым не может познать «вещей в себе» кантовский рассудок («безъязыковая реальность» = «вещь в себе»).

Таким образом Гумбольдт в классическую дихотомию «мышление – реальность» вводит третий компонент – язык. Если до Гумбольдта мышление познаёт реальность, мышление первично, а язык его

оформляет, играет чисто инструментальную роль, то у Гумбольдта мышление и язык взаимовлияющие, т.е. простая и ясная конструкция становится более сложной. Новый вариант субъективного идеализма можно возвести к известной фразе Гумбольдта о языковом круге: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг, т.е. изучишь другой язык, и, следовательно, усвоишь новую точку зрения в прежнем миропонимании» (Гумбольдт, 1984: 80). Таким образом, между человеком и миром лежат языки. Язык – это тюрьма для духа, человек заперт в языке, язык закрывает выход в мир. Но если заключённый может выйти из мест заключения, то человек никогда не может выйти из языковой тюрьмы.

Идея господства языковой системы над теми, кто ею пользуется, диктата ее законов и невозможности выйти из нее развивается в последующих течениях философии. Так, например, в структурной антропологии, нацеленной на предельную, тотальную объективность, на место истории, субъекта, самосознания К. Леви-Стросса выдвигает объективные универсалии – бессознательные структуры, язык. Такая «бессубъектная» позиция, по мнению Леви-Стросса, позволяет получить прямой доступ к реальности объективированного мышления.

По аналогии с языком, который порождает все произведения речевой активности, в концепциях структуралистов появилось представление об априорной бессознательной структуре, подобной языку, которая порождает все произведения социально-символической активности, деятельности человека (отношения родства, ритуалы, формы искусства и др.). Все продукты социокультурного творчества стали рассматриваться как знаковые конструкции – проявления своего рода языка – тексты. И первобытный ритуал, и научный трактат, и рекламный ролик – это своего рода речь, которая состоит из знаков, имеющих значение. Это значение знака возникает не само по себе, а в силу того, что знак принадлежит к некоторой системе (вроде системы языка), и вне этой системы никакой культурный знак существовать не может. И через эту «речь» можно проникнуть в структуру – к «языку» – знаково-символическим системам. При этом структуры играют роль порождающих моделей, т.е. бессознательных механизмов, которые определяют ход мысли исследователя. Поэтому хотя человек и строит иллюзии относительно своей свободы и суверенности, на самом деле за любым культурным феноменом лежит Структура, подобная языковой, в ней мы существуем, она организует нашу жизнь.

Проводятся попытки изучения механизмов, позволяющих структурам осуществлять влияние. Например, Р. Барт, обращаясь к

невинному, на первый взгляд, феномену «письма», сумел разглядеть общественный подавляющий механизм, институт, обладающий серьезной принудительной силой, как и любое другое общественное установление. «Письмо» понимается как «социолект», в рамках единого национального языка и, одновременно – это опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. помещает между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых. Все продукты социально-языковой практики, все социолекты, выработанные поколениями, классами, партиями, литературными направлениями, органами прессы и т. п. за время существования общества, можно представить себе как огромный склад различных видов «письма», откуда индивид вынужден заимствовать свой «язык», а вместе с ним и всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности (Косиков, 2008: 17).

Принудительное действие структур объясняется в рамках коннотативной семиологии Л. Ельмслева (Ельмслев, 1960), через понятие «коннотативный смысл» – дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы, воплощающее принятую в данном языковом коллективе и закрепленную в культуре данного общества оценку обозначаемого словом предмета или факта действительности. Эти смыслы латентны, никогда прямо не называются, а лишь подразумеваются. Они агрессивны – не довольствуются мирным соседством со знаками денотативной системы, а стремятся подавить их или даже полностью вытеснить. Любой язык представляет собой, таким образом, комбинацию высказанного и подразумеваемого, денотативного и коннотативного уровней, причем подразумеваемое может при определенных условиях эксплицироваться, а эксплицитное может уйти в коннотативный «подтекст».

Таким образом в науке был осуществлен переход от изучения знаковых систем, непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми, к знаковым системам, которые людьми не осознаются, хотя ими и используются, более того, во многих случаях ими управляют.

Результатом этого изучения стало выдвижение новых философских принципов и методов: приоритет различия и множественности над тождеством; новое представление языка как особой символической автономной реальности, обладающей мощной силой структурировать и упорядочивать все окружающее; формулирование метода

деконструкции (разрушение навязанных, старых смыслов, стереотипов); децентрализация и исчезновение, смерть субъекта (человека) как центра, вокруг которого строилось познание, культура, жизнь.

Субъект в понимании постструктуралистов (Фуко, Деррида, Лакан) существует в системе, пронизанной дискурсивными конструктами, – самостоятельными знаковыми реальностями, несет в себе лишь функцию движения этих дискурсов. Субъект является множественным, многогранным, так как существует в поле множества дискурсов. Субъект, таким образом, растворяется, рассеивается в знаковой реальности, теряет свою целостность, устойчивость и определенность – наступает «смерть субъекта», «смерть человека».

Тема «смерти субъекта», «смерти человека» была выражена в литературоведении в виде идеи «смерти автора» (Р. Барт «Смерть автора», 1968 г.; М. Фуко «Что такое автор?», 1969 г.).

В своем эссе Р. Барт (Барт, 1989) переосмысливает понятия, сложившиеся в Новое время – «письмо», «читатель», «автор» и его задачи и связь с произведением. По мнению Барта, ошибочно пытаться объяснять смысл произведения через его автора (через его личность, характер, биографию, социальные и политические позиции и т.д.). Критик и читатель должны рассматривать произведение вне его создателя, так как в произведении говорит не автор, а сам язык. С. Малларме, М. Пруст, П. Валери и некоторые сюрреалисты были первыми, кто попытался устранить власть «Автора», представляли письмо как «обезличенную деятельность».

Барт заменяет новоевропейское понятие «автора» понятием «Скриптор». «Писатель-Скриптор» не вынашивает замысел произведения до его написания, иными словами – «Скриптор» не предшествует книге, а, по выражению Барта, рождается одновременно с написанием текста-произведения: «Всякий текст пишется здесь и сейчас». Весь мир, вся культура представляется как текст, гипертекст, в котором функционируют единичные тексты предшествующей и современной культуры. Тексты наделены особым свойством – интертекстуальностью – способностью ссылаться друг на друга в виде различных цитат, реминисценций, ссылок и т.д. Таким образом, каждый новый текст состоит из цитат предшествующих текстов, новый текст пишется поверх старого и вплетается в общий гипертекст. Функция «писателя-Скриптора», по мнению Барта, сводится к чисто начертательной: он располагает неким «словарем», из которого черпает сознательно или бессознательно цитаты, смешивает их, комбинирует и создает произведение.

Концепция интертекстуальности может привести к негативному восприятию творчества: все так называемые «новые» произведения растворяются в прошедшем культурном опыте (цитатах, источниках) и, таким образом, лишены уникальности, неповторимости и подлинной новизны. Однако, по справедливому замечанию Барта, интертекст не стоит рассматривать просто как собрание (совокупность) цитат различных авторов. Интертекст – это «пространство схождения» всевозможных цитаций – дискурсов, частными случаями которых являются цитаты – отдельные фразы, абзацы, пассажи различных произведений. Из цитаций (дискурсов) и состоит вся культура, в атмосферу которой независимо от своей воли погружен любой человек. Таким образом, автор, даже если он не читал ни одной книги в своей жизни, находится в окружении различных дискурсов (социолектов – этнических, бытовых, научных, идеологических и т.д.), под влиянием которых создается новое произведение, текст. Само произведение становится пересечением различных дискурсов, культурных смыслов и видов письма (письма самого автора, письма персонажа, получателя), что делает текст индивидуальным, действительно новым. Писателю только кажется, что творит он сам, на самом же деле сама культура – язык – творит посредством писателя, используя его как свое орудие.

«Автор» («Скриптор») существует в момент написания произведения, как только работа заканчивается, автор растворяется в написанном им тексте, т.е. «умирает».

В момент «смерти автора», по мнению Барта, рождается «Читатель» («Слушатель»). Классическая литература и философия не обращали внимания на «читателя», так как для них был важен «Автор» – тот, кто пишет. Барт же видел основную цель современной литературы в том, чтобы превратить читателя из потребителя в производителя текста. «Читатель», в отличие от «Автора» («Скриптора»), наделен более значительной функцией – смыслопорождения (приписывания смыслов произведениям). Смыслы рождаются не до и не во время написания произведения, а в акте чтения. Читатель должен вскрыть в произведении то, что «сказалось» независимо от воли автора, может быть бессознательно. Он должен попытаться увидеть в произведении культурные коды – осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито. Читатель и есть та точка, в которой фокусируется вся множественность цитат, ссылок, дискурсов, множественных смыслов, из которых слагается произведение. Читатель распутывает «клубок» цитаций в произведении и обнаруживает все новые и новые смыслы (каждое

прочтение влечет открытие нового смысла), в результате чего рождается Текст, лишенный целостности, окончательной завершенности и однозначного значения в отличие от произведения. Текст многомерен, достичь смыслового дна невозможно.

М. Фуко, как и Р. Барт, пересматривает значения понятий «текст», «автор», «письмо» (Фуко, 1996). Исследуя роль «Автора», его основное назначение, Фуко полагает, что «Автор» выполняет функцию классификации текстов (группирует и приводит их в определенное соотношение: позволяет отделить и определить тексты одного автора от других текстов). «Автор», по мнению Фуко, находится на границе текстов, в разрывах между текстами. «Автор» – это функция, функциональный принцип, характеризующий способ существования, движения различных дискурсов – знаковых реальностей. Однако «функция-Автор» не универсальна для характеристики всех дискурсов. В наше время «функция-Автор» применима, по мнению Фуко, только к сфере литературы (так как читателя и критика до сих пор волнует, кто написал, когда, при каких обстоятельствах). Иная же ситуация прослеживается в современной науке (научных дискурсах): открытая теорема, или любая открытая истина остаются практически всегда анонимными, являются достоянием многих. Таким образом, здесь наблюдается стирание «функции-Автор», происходит «смерть автора»: стираются индивидуальные черты пишущего субъекта – автора.

Поскольку «Автор» – это всего лишь дискурсивная функция, представление его как отдельного, самостоятельного индивида, творца текста будет ошибкой.

Фуко, как и Барт, предполагает, что ничего не существует вне текста, и любой субъект, или автор неизбежно находится внутри текста, через которого говорит сам язык. То, что раньше вкладывали в понятие Автор, есть просто проекция обработок, которой подвергаются тексты-произведения. Письмо, по мнению Фуко, является самодостаточным, отсылает лишь к себе самому, это игра знаков.

«Функция-Автор» не отсылает к некоему реальному субъекту, напротив, она может отсылать одновременно ко многим субъектам, нескольким Его, т.е. в тексте есть некоторое число знаков, отсылающих к автору или иным говорящим (Я, которое говорит в предисловии научного трактата и которое доказывает теорию, не тождественны – ни по своей позиции, ни по своему функционированию; в одном случае Его отсылает к некоему незаместимому индивиду, который в определенном месте и в

определенное время выполнил некоторую работу; во втором Его обозначает план и момент доказательства, занять которые может любой субъект). Таким образом, «функция-Автор» действует в дискурсах таким образом, что может отсылать к нескольким «симультанным Я». Таким образом, в письме, тексте автор, субъект не является чем-то конкретным, целостным, устойчивым, он растворяется, рассеивается в виде множественности «Я».

«Функция-Автор», по Фуко, есть частный случай функции-субъекта, а значит, как и автор, не имеет устойчивого и определенного основания (субъект также выполняют функцию движения дискурсов). Субъект растворяется в поле дискурсов. Все дискурсы разворачиваются, таким образом, в «анонимности шепота», уже не важно, кто говорит, что он выражает; важно лишь установить, каковы способы существования этого дискурса, откуда он был произнесен, кто может его себе присваивать и т.д. Автор, субъект должны стереться или быть стерты в пользу форм, свойственных дискурсам.

Барт и Фуко исследовали проблему «смерти автора» как одну из возможных проблем «смерти субъекта». В своих концепциях они расширили границы анализа текста, письма в литературоведении. Впервые обратили внимание на активную роль читателя, его независимость от автора произведения в плане интерпретации и поиска смыслов. Отметим подвижность текста, его смысловую неисчерпаемость. Вместе с тем Фуко, Барт переосмыслили классическое понимание автора, субъекта, лишили их какой-либо определенности, самодостаточности, устойчивости. Подчинили субъект языковой, знаковой реальности (ничто не существует вне текста), лишили его самостоятельности. Практически свели автора, субъекта к чисто функциональной роли: субъект как функция движения дискурсов растворяется в этих дискурсах, исчезает.

Язык (текст) начинает претендовать на роль исходной философской реальности. Раньше основная оппозиция в философии была оппозицией сознания и материи (субъекта и объекта). После Гумбольдта в классическую дихотомию «мышление – реальность» был введен третий компонент – язык. Теперь же основная оппозиция – это оппозиция автора и интерпретатора (мышления) к тексту (языку). И даже уже – только оппозиция «интерпретатор – текст». Центр тяжести в философских исследованиях переносится с мира как такового на текст, который самодостаточен и наделен некоей субстанциальностью. Основной вопрос философии приобретает вид вопроса о том, что первично – текст или смыслы (значения) в сознании субъектов. Как вариант основного вопроса философии – проблема, могут ли смыслы в

сознании интерпретатора рассматриваться как независимые от смыслов в сознании автора. Текст с бесконечным количеством его интерпретаций приобретает безграничное господство.

Литература:

- Барт, Ролан, 1989. Смерть автора. В: *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс. С. 384–392.
- Гумбольдт, Вильгельм фон, 1844. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. В: *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс. С. 37–297.
- Ельмслев, Луи, 1960. Прологомены к теории языка. В: *Новое в лингвистике*. Москва: Иностранная литература. Вып. 1. С. 264–389.
- Косиков, Георгий. К., 2008. Ролан Барт – семиолог, литературовед. В: *Барт Р. Нулевая степень письма*. Москва: Академический проект. С. 5–51.
- Фуко, Мишель, 1996. Что такое автор? В: *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет*. Москва: Касталь. С. 7–47.